

УДК 343.13

ББК 67.410.2

DOI 10.22394/1682-2358-2019-4-41-55

O.N. Shkshubeva, Candidate of Sciences (Law), Docent of the Administrative and Criminal Law Department, Central Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTION OF OTHER PROCEDURAL COERCIVE MEASURES

The concept, content and types of other measures of procedural coercion that limit the freedom of a person involved in the criminal justice sphere are analyzed. Gaps and collisions of norms of criminal procedure law containing necessity and possibility of applying measures of procedural coercion to certain participants in criminal proceedings are revealed. The author makes proposals to improve the legislation governing the said institution and gives her own definitions of each of the measures under study.

Key words and word-combinations: criminal proceedings, other measures of procedural coercion, investigating authorities, the court.

О.Н. Шекшужева, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: shkshubeva@icloud.com)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ИНЫХ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. Анализируются понятие, содержание и виды иных мер процессуального принуждения, ограничивающих свободу лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства. Выявлены пробелы и коллизии норм уголовно-процессуального права, содержащих необходимость и возможность применения мер процессуального принуждения к конкретным участникам уголовного судопроизводства. Внесены предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего данный институт, приведены авторские определения каждой из исследуемых мер.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное судопроизводство, иные меры процессуального принуждения, органы расследования, суд.

Право на свободу и равенство в правах принадлежит каждому от рождения и признается Всеобщей декларацией прав человека [1, ст. 1], в которой свобода гражданина провозглашается как наивысшая ценность [1, ст. 3, 9, 13, 18–20, 27]. В Конституции РФ под правом на свободу понимается ничем не ограниченная возможность действо-

вать сообразно своей воле, основанной на осознании действующих правовых норм, определяющих пределы допустимого, и допускается возможность ограничения права на свободу настолько, насколько это требуется «для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [2, ст. 55]. В этом случае названные критерии — необходимость, разумность и соразмерность ограничения — должны быть учтены так, чтобы не затронуть саму сущность права на свободу.

Любое вмешательство государства в право лица на свободу как посредством реализации уголовной ответственности, так и в результате применения мер процессуального принуждения по своей сущности означает лишение свободы [3], отличия между которыми проявляются в сроке (периоде их применения) и содержании (степени ограничения свободы). Любое ограничение права на передвижение, пребывание в том или ином месте, общение с родственниками, друзьями, сослуживцами, выполнение служебных обязанностей, свободное распоряжение своим временем и имуществом следует рассматривать как вторжение в личную свободу и неприкосновенность гражданина, что, безусловно, в силу ст. 55 Конституции РФ может быть допустимо лишь в предусмотренных федеральным законом случаях.

Возможность применения принуждения является неотъемлемым признаком государственной власти и гарантией результативного функционирования норм права. В юридической литературе проблема правового принуждения всегда актуальна. Эффективная организация уголовного преследования возможна только при наличии мер государственного принуждения, применять которые уполномочены указанные в законе участники уголовного процесса. Как специфический метод правового регулирования процессуальное принуждение неоднородно и объективно включает в себя различные формы и методы, посредством и на основе которых происходит влияние государства в лице указанных в законе органов и должностных лиц (как субъекта воздействия) на поведение лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства (объект воздействия), для их понуждения к исполнению своих обязанностей.

Уголовное судопроизводство в основном носит принудительный характер. Это вызвано тем, что государство в лице соответствующих органов и должностных лиц, принимая на себя защиту личности от любых противозаконных действий, выполняет назначение уголовного судопроизводства вне зависимости от воли субъектов, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных правоотношений. Несмотря на то что в уголовном судопроизводстве принуждение свойственно практически всем процессуальным действиям и решениям, все же законодатель счел необходимым объединить часть из них в отдельный, четвертый раздел, названный «Меры процессуального принуждения», который, в свою очередь включает в себя три главы: «Задержание подозреваемого», «Меры пресечения» и «Иные меры процессуального принуждения» [4].

Задержание подозреваемого и меры пресечения применяются к лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Именно поэтому правомочность их применения к названным участникам процесса

при наличии оснований, прямо указанных в законе, не вызывает каких-либо дискуссий, поскольку проблемы правоприменения фактически устраняются посредством официальных разъяснений высшей судебной инстанции [5]. По нашему мнению, недостаточным совершенством обладает институт иных мер процессуального принуждения ввиду противоречивости отдельных норм, регулирующих процессуальный порядок избрания таких мер.

Нормы уголовно-процессуального права в качестве иных мер процессуального принуждения предусматривают обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ); привод (ст. 113 УПК РФ); временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ); наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ); денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ).

Правом решать вопрос о применении конкретного вида процессуального принуждения к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу и ответчику, эксперту, специалисту, переводчику, понятному законодатель наделил трех участников уголовного процесса — следователя, дознавателя и суд (ст. 111 УПК РФ).

Свое нормативное закрепление получило разделение иных мер процессуального принуждения на две группы:

— меры принуждения, обеспечивающие указанным в законе государственным органам и должностным лицам реализацию уголовно-процессуальной функции уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого (обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности и наложение ареста на имущество);

— меры принуждения, применяемые в связи с собиранием доказательств по уголовному делу в отношении иных участников процесса (обязательство о явке, привод, денежное взыскание).

В основу указанного деления положено законодательное определение цели применения меры принуждения к различным участникам процесса. Для подозреваемого и обвиняемого — это обеспечение установленного законом порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора (ч. 1 ст. 111 УПК РФ). К остальным лицам иные меры процессуального принуждения применяются в предусмотренных законом случаях (ч. 2 ст. 111 УПК РФ).

Кроме того, Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит указание еще и на иных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, которые не относятся к его участникам, перечисленным в разделе II Кодекса, но в отношении которых могут быть избраны иные меры процессуального принуждения. К ним относятся лица, несущие по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого; заслуживающее доверие лицо, которое ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 ст. 102 УПК РФ; законные представители или другие заслуживающие доверие лица, должностные лица специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый, обеспечивающие надлежащее поведение несовершеннолетнего, предусмотренное ст. 102 УПК РФ; присяжный заседатель.

Любое принуждение будет законным там и тогда, где и когда для этого имеются основания — фактические, процессуальные и нормативные. Независимо от того, в какой форме выступает государственное принуждение, оно всегда предполагает воздействие одного субъекта правоотношений на поведение другого субъекта. Нарушение установленных государством правил поведения влечет за собой применение к такому лицу мер государственного принуждения, подчинение воли конкретного лица властным предписаниям. Из этого следует, что нарушение лицом, вовлеченным в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, своих процессуальных обязанностей обуславливает возникновение у дознавателя, следователя или суда права на применение мер принуждения.

Уголовно-процессуальный закон возлагает на суд, прокурора, следователя, дознавателя обязанность «разъяснять участвующим в деле лицам их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав» [4, ст. 11]. Такое разъяснение должно касаться не только тех прав и обязанностей, которые адресованы конкретному участнику уголовного судопроизводства и перечислены в соответствующей норме закона, но и обязанности соблюдать установленный УПК РФ порядок уголовного судопроизводства, что прямо предусмотрено ч. 2 ст. 1 УПК РФ.

Несоблюдение этих обязанностей лицом, которому они разъяснены, предполагает привлечение его к уголовно-процессуальной ответственности, в том числе путем ограничения прав на свободу и личную неприкосновенность. Следовательно, совокупность достаточных данных, указывающих на невыполнение лицами, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства, возложенных на них уголовно-процессуальным законом процессуальных обязанностей и несоблюдение установленного этим же законом порядка уголовного судопроизводства, следует считать фактическим основанием, дающим право дознавателю, следователю или суду на применение иных мер процессуального принуждения.

Обратившись к содержанию ст. 42, 54, 56—60, 333 УПК РФ, можно констатировать, что процессуальной обязанностью потерпевшего, гражданского ответчика, свидетеля, лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (в дальнейшем по тексту — субъект досудебного соглашения о сотрудничестве), эксперта, специалиста, переводчика и понятого является его явка по вызовам органа расследования или в суд, от которой он не вправе уклоняться без уважительных причин. Следовательно, фактическим основанием для применения в отношении указанных лиц иных мер процессуального принуждения является неявка без уважительных причин в орган расследования или в суд и несоблюдение установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства.

Статья 44 УПК РФ регламентирует процессуальный статус гражданского истца в уголовном процессе и не наделяет его обязанностью являться по вызовам в орган расследования и в суд. Однако в числе лиц, в отношении которых возможно применение обязательства о явке, привода и денежного взыскания, законодатель называет и гражданского истца (ч. 2 ст. 111 УПК РФ).

Появление гражданского истца в уголовном деле зависит от его желания получить возмещение причиненного ему преступлением имущественного вреда или компенсацию морального вреда. При этом рассмотрение и разрешение заявленных требований зависит и от распорядительных действий названного участника процесса, одним из которых является отказ от иска, несмотря на объективную возможность его удовлетворения. Гражданским процессуальным законодательством [6, ст. 31] и уголовно-процессуальным законодательством [4, ст. 309] предусмотрена возможность передачи гражданского иска, вытекающего из уголовного дела, для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Следовательно, права и обязанности гражданского истца при рассмотрении его иска в ходе как уголовного, так и гражданского судопроизводства, не могут быть разными. Являться в орган расследования или в суд — это право истца, которым он распоряжается по своему усмотрению.

В целях соблюдения баланса правового статуса гражданского истца в уголовном судопроизводстве и в гражданском судопроизводстве, возможно, следует прямо предусмотреть в нормах уголовно-процессуального права возможность оставления искового заявления без рассмотрения в случае неявки гражданского истца в судебное заседание (по аналогии со ст. 222 ГПК РФ). Во всяком случае, такое предложение более последовательно, чем указанное в законе право соответствующих органов и должностных лиц отбирать у гражданского истца обязательство о явке в целях его побуждения являться в судебное заседание по уголовному делу, подвергать его приводу или налагать денежное взыскание в случае неявки в суд.

Статья 44 УПК РФ обязывает гражданского истца не разглашать данные предварительного расследования, иначе (если он об этом был предупрежден) гражданский истец может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. В данном случае такая мера не относится к мерам процессуального принуждения, поскольку направлена на предупреждение названного участника процесса не совершать деяния, запрещенные уголовным законом.

Отнесение гражданского истца, если он не является одновременно и потерпевшим по делу, к участникам уголовного процесса, которые при указанных в законе обстоятельствах могут быть подвергнуты приводу или на них может быть наложено денежное взыскание, а также избрано обязательство о явке, по нашему мнению, неоправданно с точки зрения действующих норм права, регулирующих процессуальный статус гражданского истца в уголовном и гражданском судопроизводствах.

Изложенное о гражданском истце вполне применимо и к гражданскому ответчику, если он не является одновременно подозреваемым или обвиняемым. Несмотря на указание в ст. 54 УПК РФ о том, что гражданский ответчик «не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд» [4], такой обязанности у гражданского ответчика в гражданском судопроизводстве нет. Именно поэтому в случае передачи гражданского иска, вытекающего из уголовного дела, для рассмотрения в гражданском процессе, обязать гражданского ответчика являться в суд невозможно в силу отсутствия у суда такого права.

Невыполнение потерпевшим обязанности являться по вызовам в орган расследования или в суд не всегда можно рассматривать в качестве фактического основания для отобрания от него обязательства о явке, доставления его по месту производства расследования или в суд приводом или наложения на него денежного взыскания. Так, «по уголовным делам частного обвинения неявка потерпевшего без уважительных причин влечет за собой прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ» [4, ст. 249], и расценивается как отказ от обвинения.

В качестве цели применения иных мер процессуального принуждения в отношении обвиняемого и подозреваемого законодатель называет необходимость соблюдения ими установленного законом порядка уголовного судопроизводства (ст. 111 УПК РФ). Те лица, которые принимают на себя ответственность за надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого), который не должен покидать места своего жительства без разрешения следователя, обязан являться к нему и в суд по вызовам, не будет иным способом препятствовать расследованию, а также лица, которым несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый) передан под присмотр, вовлекаются в уголовный процесс только после появления в нем обвиняемого (подозреваемого). Фактическим основанием для применения в отношении таких лиц иных мер процессуального принуждения является необеспечение ими соблюдения обвиняемым (подозреваемым) установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства.

Несмотря на то что иные меры процессуального принуждения наряду с мерами пресечения составляют единый уголовно-процессуальный институт, законодатель для применения иных мер процессуального принуждения (в отличие от процедуры избрания мер пресечения) не указал в правовых нормах на обязанность дознавателя, следователя и суда выносить постановление (определение) для их применения.

Между тем любое процессуальное действие производится на основании какого-либо решения органа расследования или суда, полученного в результате работы сознания правоприменителя, его оценки имеющихся данных о нарушении участником уголовно-процессуального правоотношения возложенных на него и известных ему обязанностях. Но без документальной формы такого решения оно останется лишь умозаключением. Следовательно, процессуальным основанием для применения иной меры процессуального принуждения следует считать решение дознавателя, следователя или суда о применении конкретной меры процессуального принуждения, выраженное в форме процессуального документа (постановления, определения), к участнику уголовно-процессуальных правоотношений.

Необходимость вынесения письменного решения о применении иной меры процессуального принуждения объясняется возможностью их судебного обжалования, что прямо предусмотрено ст. 125 УПК РФ, согласно которой в суд могут быть обжалованы «решения органа расследования, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства» [4, ст. 125].

Учитывая, что процессуальные решения в уголовном судопроизводстве (за исключением итоговых) принимаются соответствующими органами и должностными лицами в виде определений и постановлений, то в силу ч. 4 ст. 7 УПК РФ они должны быть законными, обоснованными и мотивированными, что, соответственно, применительно к избранию иных мер процессуального принуждения маловероятно без соблюдения письменной формы решения, в котором должно быть мотивировано и обосновано избрание иной меры процессуального принуждения.

В качестве нормативного основания применения иных мер процессуального принуждения выступает норма права, регулирующая необходимость и возможность применения такой меры к участнику уголовно-процессуальных правоотношений.

С учетом приведенных замечаний относительно природы иных мер процессуального принуждения их общая характеристика сводится к следующему. Процессуальный порядок применения обязательства о явке предусмотрен ст. 111 и 112 УПК РФ, согласно которым названный в этих нормах участник уголовного процесса письменно обязуется «своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а в случае перемены места жительства незамедлительно сообщать об этом» [4]. Нарушение данного обязательства влечет за собой наступление уголовно-процессуальной ответственности, в том числе в виде избрания меры пресечения, что доводится до сведения такого лица и фиксируется в самом обязательстве.

Следует отметить, что ч. 2 ст. 111 и ч. 2 ст. 112 УПК РФ содержат разный по своему составу перечень участников процесса, к которым возможно применение обязательства о явке. В частности, ст. 112 УПК РФ распространяет свое действие на подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Упоминание же в ч. 2 ст. 111 УПК РФ об эксперте, специалисте, переводчике и понятом как субъектах возможного отобрания у них обязательства о явке, по нашему мнению, не совсем последовательно, так как процессуальный статус названных лиц уже предусматривает их обязанность не уклоняться от явки по вызову органа расследования и суда, о чем они предупреждаются при ознакомлении со своими правами и обязанностями [4, ст. 56, 57–60].

В отличие от меры пресечения подписки о невыезде при избрании обязательства о явке участник процесса не обязан получать разрешение органа расследования или суда для изменения места своего жительства. Однако, подписав обязательство о явке, такое лицо дает согласие на ограничение его конституционного права на свободу передвижения (ст. 27 Конституции РФ), поскольку реализация этого права зависит от воли органа расследования или суда явиться по вызову в определенное место и определенное время. В противном случае могут наступить негативные последствия в виде привода или денежного взыскания.

По нашему мнению, несовпадение двух анализируемых мер процессуального принуждения — подписки о невыезде и надлежащем поведении и обязательства о явке — можно объяснить сущностью самого обязательства о явке, которое представляет собой единство двух составляющих: «являться

по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а в случае перемены места жительства незамедлительно сообщать об этом» [4]. Именно обоснованное предположение о надлежащем исполнении этих двух обязанностей подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и свидетелем дает правоприменителю право ограничиться избранием в отношении указанных лиц обязательства о явке и не ограничивать их права на свободу передвижения обязанностью получить разрешение органа расследования или суда для изменения места своего жительства.

Что касается лиц, перечисленных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ (за исключением гражданского истца и гражданского ответчика), и субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве, то им с учетом положений ст. 42, 56–60, 112 УПК вменена в обязанность лишь явка по вызовам органа расследования или суда. Следовательно, изменение ими места жительства не является обстоятельством, о котором необходимо незамедлительно сообщить органу расследования или суду. На наш взгляд, брать у таких лиц обязательство о явке является излишним, поскольку при разъяснении названным участникам процесса их прав и обязанностей фактически такое обязательство органу расследования или суду они дают, ставя свою подпись под таким разъяснением.

С учетом изложенного обязательство о явке как мера процессуального принуждения есть письменное обязательство подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля «своевременно являться по вызовам органа расследования или в суд, а в случае перемены места жительства незамедлительно сообщать об этом» [4], применяемое на основании мотивированного постановления (определения) дознавателя, следователя или суда, копия которого вручается лицу, в отношении которого оно избрано, с одновременным разъяснением права на обжалование.

Привод представляет собой непосредственное принудительное доставление лица в орган расследования или в суд, если такое лицо, будучи надлежащим образом извещенным о времени и месте явки, не явилось без уважительных причин. Названная мера процессуального принуждения временно (на время доставления) ограничивает право на свободу доставляемого лица (ст. 22 Конституции РФ), не разрешая ему по своему усмотрению распоряжаться своим временем и местом пребывания. Такое ограничение заканчивается после проведения соответствующего следственного или судебного действия, для производства которого был осуществлен привод. Привод позволяет обеспечить обязательное участие подозреваемого и обвиняемого в уголовном судопроизводстве, а также процесс собирания доказательств, источниками которых являются иные участники процесса, чья явка по вызову законодателем определена как обязательная.

К участникам процесса, к которым может быть применен привод, ч. 1 ст. 113 УПК РФ относит подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве. Между тем ч. 2 ст. 111 УПК РФ распространяет возможность применения привода на гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и понятого.

По нашему мнению, применение названной меры процессуального принуждения к гражданскому истцу и гражданскому ответчику недопустимо по тем же основаниям, что и обязательство о явке. Остальные участники процесса — эксперт, специалист, переводчик и понятой, как было указано ранее, в силу прямого указания в законе обязаны являться по вызовам органа расследования и суда. В качестве негативного последствия или так называемой уголовно-процессуальной ответственности неисполнения названной обязанности может быть привод.

Законодатель предусмотрел условия законности применения привода: вынесение постановления (определения) о приводе, которое обязательно объявляется лицу, в отношении которого он применяется; неприменение привода «в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства» [4, ст. 113]; неприменение привода «к несовершеннолетним в возрасте до четырнадцати лет, беременным женщинам, а также больным, которые по состоянию здоровья не могут оставлять место своего пребывания, что подлежит удостоверению врачом» [4, ст. 113].

Таким образом, привод — это мера процессуального принуждения в виде принудительного доставления на основании мотивированного постановления дознавателя, следователя или определения (постановления) суда подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве, эксперта, специалиста, переводчика и понятого, надлежащим образом извещенных о времени и месте явки и не явившихся без уважительных причин в орган расследования или в суд, с обязательным вручением копии постановления (определения) лицам, в отношении которых осуществляется привод, и одновременным разъяснением им права на обжалование.

Мера процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности применяется к подозреваемому или обвиняемому в том случае, если он, продолжая работать в занимаемой должности, будет препятствовать установленному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства и надлежащему исполнению приговора. Само понятие «должность» определяется как служебная обязанность, служебное место [7, с. 173]. Для отстранения обвиняемого (подозреваемого) от должности следует располагать достоверными сведениями, что он такую должность занимает. К находящимся под стражей обвиняемым (подозреваемым) указанная мера процессуального принуждения неприменима ввиду отсутствия самого факта занятия таким лицом должности, от которой его требуется (по мнению органов расследования или суда) отстранить.

Поскольку Конституция РФ гарантирует каждому право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [2, ст. 37], то, как отметил Конституционный Суд РФ, временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого возможно только при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый (подозреваемый), «продолжая оставаться в занимаемой им должности, может продолжить преступную деятельность, станет угрожать свидетелям, потерпевшим,

иным лицам, вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства, или иным способом окажет воздействие на них, преследуя цель добиться с их стороны благоприятных для него действий или решений, предпримет попытки уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствует производству по уголовному делу.

Анализируемая мера процессуального принуждения ограничивает обвиняемого (подозреваемого) свободно распоряжаться своим правом на выбор профессии и рода деятельности, что, в свою очередь, допустимо лишь при наличии достаточных для этого оснований, которые законодателем не конкретизированы. Однако отсутствие в ст. 114 УПК РФ конкретных оснований для возбуждения ходатайства о временном отстранении от должности подозреваемого (обвиняемого) и для принятия судебного решения по такому ходатайству само по себе не предполагает произвольного применения этой меры процессуального принуждения» [8]. По мнению высшей судебной инстанции, «гарантиями законности и обоснованности применения анализируемой меры процессуального принуждения, а также защиты трудовых прав указанных в ст. 114 УПК РФ лиц выступает следующее: во-первых, получение следователем согласия руководителя следственного органа, а дознавателем — прокурора для обращения в суд с ходатайством о временном отстранении обвиняемого (подозреваемого) от должности» [8]; во-вторых, применение такой меры только по решению суда, вынесенному по результатам судебного заседания, в ходе которого его участники, в том числе подозреваемый (обвиняемый), имеют возможность довести до суда свою позицию по существу заявленного перед судом ходатайства об избрании меры процессуального принуждения; в-третьих, возможность обжалования принятого судебного решения (судебный надзор).

Процессуальный порядок избрания названной меры процессуального принуждения регламентирован ст. 114 УПК РФ, согласно которой процессуальным основанием ее применения является судебное решение. Из содержания указанной правовой нормы следует, что условиями законности временного отстранения подозреваемого или обвиняемого от должности являются: обращение указанного в ч.1 ст. 114 УПК РФ должностного лица в суд с ходатайством о временном отстранении обвиняемого (подозреваемого) от должности; рассмотрение заявленного ходатайства в судебном заседании с обязательным участием лица, которого предполагается отстранить от занимаемой должности, в течение 48 часов с момента его поступления в суд с принятием соответствующего решения в виде постановления; направление постановления суда о временном отстранении от должности по месту работы подозреваемого или обвиняемого для его исполнения; назначение судом подозреваемому или обвиняемому на период временного отстранения от должности ежемесячного пособия в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации [9, п. 31].

Как исключение, решение об отстранении от должности высшего должностного лица субъекта РФ (при предъявлении ему обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления) по представлению Генерального

прокурора РФ принимает Президент РФ [4, ч. 5 ст. 114], что, по нашему мнению, противоречит принципу равенства всех перед законом и судом. Несмотря на то что Конституционный Суд РФ объяснил указанное полномочие Президента РФ статусом «высших должностных лиц исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которые в силу принципов единства системы государственной власти... находятся в отношениях субординации непосредственно с Президентом Российской Федерации, поскольку он несет ответственность за согласованное функционирование органов государственной власти» в соответствии с Конституцией РФ [10], все же такое обоснование применительно к фундаментальному принципу не только уголовного, но и иных видов судопроизводств неубедительно, поскольку ограничение прав указанных лиц в данном случае поставлено в зависимость от их социального положения.

На наш взгляд, поскольку отстранение обвиняемого (подозреваемого) от должности применяется в рамках возникших уголовно-процессуальных правоотношений, составляющих содержание уголовно-процессуальной деятельности в ходе уголовного судопроизводства, где только суд наделен правом принимать решения, затрагивающие конституционные права граждан, постольку названное полномочие Президента РФ не согласуется с конституционным принципом разделения властей, ставя в некоторой степени под сомнение самостоятельность судебной власти.

Кроме того, законодатель не относит высшее должностное лицо исполнительной власти субъекта РФ к субъектам, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства [4, гл. 52], поэтому привлечение таких лиц к уголовной ответственности происходит на общих основаниях. Принимая во внимание, что следователь самостоятельно определяет, какие следственные или процессуальные действия он будет производить по находящемуся у него в производстве уголовному делу [4, ст. 38], а из содержания ч. 5 ст. 114 УПК РФ следует, что привлеченное в качестве обвиняемого по названной категории дел высшее должностное лицо субъекта РФ должно быть отстранено от занимаемой должности, вызывает некоторое недоумение наделение именно Генерального прокурора РФ, а не следователя правом инициировать перед Президентом РФ отстранение такого лица от должности.

Таким образом, временное отстранение от должности как мера процессуального принуждения — это освобождение на основании мотивированного судебного решения подозреваемого или обвиняемого от исполнения своих служебных обязанностей на неопределенный период времени при наличии достаточных данных полагать, что такое лицо, продолжая оставаться в занимаемой им должности, сможет воспрепятствовать осуществлению установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства.

Наложение ареста на имущество как мера процессуального принуждения ограничивает конституционное право гражданина на неприкосновенность частной собственности [2, ст. 35]. Названная мера процессуального принуждения применяется к подозреваемому, обвиняемому, а также к лицам, несущим по закону материальную ответственность за их действия, для обеспечения

исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества.

Следует подчеркнуть, что упоминание о штрафе, уплата которого должна быть обеспечена арестом имущества, правомерно в случае если штраф назначен в качестве дополнительного наказания, поскольку в силу ч. 5 ст. 46 УК РФ при неуплате штрафа как основного вида наказания он может быть заменен на более строгий вид наказания, а не погашен за счет арестованного имущества.

Процессуальный порядок избрания названной меры процессуального принуждения регламентирован ст. 115–116 УПК РФ, согласно которым процессуальным основанием ее применения является судебное решение. В названных нормах уголовно-процессуального права перечислены виды имущества, на которое может быть наложен арест. При этом отличительной чертой такого имущества является его принадлежность обвиняемому как в результате законных действий, так и в результате его противоправной деятельности. Имущество лиц, обязанных нести материальную ответственность за действия обвиняемого, а также имущество, используемое в процессе террористической деятельности, может быть предметом ареста, регулируемого ст. 115–116 УПК РФ.

Условиями законного применения наложения ареста на имущество является следующее: обращение указанного в ч.1 ст. 115 УПК РФ должностного лица в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество; принятие решения судом не позднее 24 часов с момента поступления указанного ходатайства; обязательное указание срока, в течение которого действует арест, либо до которого он продлен с учетом разумности этого срока; прекращение полностью или частично операций по счету в банке или иной кредитной организации в пределах денежных средств и иных ценностей, на которые наложен арест; наложение ареста на ценные бумаги либо их сертификаты по месту нахождения имущества или по месту учета прав владельца ценных бумаг; запрет наложения ареста на имущество, на которое в соответствии с ГПК РФ не может быть обращено взыскание, а также на ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя.

Таким образом, наложение ареста на имущество как мера процессуального принуждения представляет собой запрет на срок, указанный в мотивированном судебном решении, подозреваемому (обвиняемому) или лицам, несущим по закону материальную ответственность за их действия, как собственникам имущества осуществлять полномочия собственника в части распоряжения и (или) пользования принадлежащим им имуществом, изъятии и передаче его на хранение.

Денежное взыскание является мерой ответственности участника уголовного процесса за неисполнение им своих процессуальных обязанностей и нарушение порядка в судебном заседании.

Процессуальный порядок применения названной меры процессуального принуждения регламентирован ст. 117–118 УПК РФ, согласно которым процессуальным основанием ее применения является судебное решение

независимо от того, в какой стадии уголовного судопроизводства участник уголовно-процессуальных правоотношений нарушил возложенные на него обязанности.

Статья 111 УПК РФ содержит перечень лиц, на которых может быть наложено денежное взыскание, к ним относятся: потерпевший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик, понятой. Как указывалось, уголовно-процессуальным законом на гражданского истца возложена единственная обязанность — не разглашать данные предварительного расследования, за нарушение которой он несет уголовную ответственность. Следовательно, денежное взыскание к нему может быть применено лишь за нарушение порядка в судебном заседании. Аналогичное мнение у автора статьи и относительно гражданского ответчика.

Кроме указанных в ст. 111 УПК РФ лиц, денежное взыскание может быть применено к поручителю при невыполнении им своих письменных обязательств, взятых при личном поручительстве; законным представителям несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), другому заслуживающему доверие лицу, должностному лицу специализированного детского учреждения, давших письменное обязательство обеспечить надлежащее поведение подозреваемого (обвиняемого); присяжному заседателю, не прибывшему в суд для исполнения обязанностей без уважительной причины.

Денежное взыскание как мера процессуального принуждения — это применяемая на основании мотивированного решения суда мера воздействия на потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, поручителя, законных представителей несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), другое заслуживающее доверие лицо, должностное лицо специализированного детского учреждения, присяжного заседателя за неисполнение без уважительных причин возложенных на них процессуальных обязанностей или нарушение порядка в судебном заседании с целью обеспечения установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства.

Как отмечалось, уголовное судопроизводство в сравнении с иными видами судопроизводств отличается принудительным характером, поэтому утверждать, что перечень иных упоминавшихся мер принуждения является исчерпывающим, вряд ли обоснованно. Вовлечение граждан в уголовный процесс в большинстве случаев уже является принуждением (за исключением дел частного и частного-публичного обвинения), поскольку инициирование процесса исходит от органов и должностных лиц государства, что прямо предусмотрено ч. 2 ст. 21 УПК РФ. К примеру, всем следственным действиям присуще принуждение в виду того, что решение о производстве конкретного следственного действия принимается следователем или дознавателем единолично. Последующее согласование некоторых следственных действий с руководителем следственного органа (для следователя) или с прокурором (для дознавателя) и получение разрешения суда на их производство является лишь подтверждением правильности принятого органом расследования решения. При этом согласия от лиц, в отношении которых будут осуществляться следственные действия, получать не требуется. Законодатель предоставляет таким лицам в некоторых

случаях лишь право отказаться от участия в следственном действии (например, отказ обвиняемого от дачи показаний или образцов для сравнительного исследования и пр.).

Кроме того, иные меры процессуального принуждения, о которых идет речь в ст. 111 УПК РФ, неоднородны по своему значению. Так, денежное взыскание — это, скорее, уголовно-процессуальная санкция за уже имеющееся несоблюдение участником процесса своих обязанностей. При этом законность и обоснованность применения такой санкции будет зависеть от наличия достаточных данных, подтверждающих, что участник процесса действительно не явился в орган расследования или суд по вызову, о чем был своевременно и надлежащим образом извещен, и не сообщил об уважительности причин своей неявки.

Некоторые признаки уголовно-процессуальной санкции характерны и для привода, но здесь речь может идти о понуждении к исполнению обязанности явиться по вызову.

Обязательство о явке, временное отстранение от должности и наложение ареста на имущество скорее отличаются предупредительно-обеспечительной направленностью, поскольку решение об их избрании основано на предположении, что лицо, к которому они могут быть применены, возможно, будет препятствовать объективному расследованию и рассмотрению уголовного дела. Иными словами, названные меры процессуального принуждения — это презумпции, представляющие собой предположение, что соответствующий участник процесса не будет выполнять свои процессуальные обязанности или откажется соблюдать установленный уголовно-процессуальным законом порядок уголовного судопроизводства. Такая презумпция не является правовой (то есть закрепленной в норме права). Она представляет собой фактическую презумпцию, отличие которой от правовой как раз и состоит в том, что она основана на совокупности различных следственных и судебных ситуаций, в которых тот или иной участник процесса не являлся по вызову или продолжал преступную деятельность, оставаясь в той же должности, или скрывал (уничтожал) имущество, добытое преступным путем.

Несомненно, институт иных мер процессуального принуждения требует дальнейшего совершенствования в связи с изменением общественной жизни, отношения к охраняемым ценностям. Правоприменитель, используя нормы, регулирующие институт иных мер процессуального принуждения, должен соблюдать не только требования закона, но и формируемую высшими судебными инстанциями практику применения названного института.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек.
2. Конституция Российской Федерации. М., 2014.
3. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 69 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан

М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П. URL: <https://rg.ru/2009/07/03/sud-dok.html>.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

5. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2, февр.

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

7. *Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2007.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Олега Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 114 и статьей 401.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 сент. 2017 г. № 2219-О. URL: <http://base.garant.ru/71797752>

9. О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» (вместе с Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации): постановление Правительства РФ от 1 дек. 2012 г. № 1240. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

10. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея: постановление Конституционного Суда РФ от 4 апр. 2002 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 5.